

С ЧЕГО начинается писатель? Кто закладывает «кирпичики» в мироздание его личности и таланта? Что главное в профессии литератора? — такой или примерно такой перечень вопросов задают писателям читатели, журналисты, интересующиеся их творчеством.

Так часто случается в жизни: самые простые вопросы ставят нас в тупик, и лично мне не раз приходилось избегать подобного рода бесед. Сегодняшние мои заметки — не запоздалая реакция на несостоявшиеся интервью, а попытка на заданные в разные времена и разными собеседниками вопросы ответить самому себе. Попытка, предпринятая с заведомым пониманием: истины эти давно открыты и вечно подлежат открытию...

Каждый из нас является собой частицу человечества. Писатель тем более: в нем сходятся параллели и меридианы Вселенной, перекрещиваются века, концентрируется связь времен. Художника формирует ритм и температура эпохи, глобальная ответственность за разумность человеческого бытия. Советского художника — еще и особые, конкретные задачи и условия строительства нового общества. Это очень трудная работа — открывать будущее, ей отдаст усилия весь наш народ, и литература призвана помогать великому строительству в целом. Ибо талант не просто дар божий, а живой, поэтический дух народа, проявляющийся в творчестве конкретной человеческой личности, рожденной данной средой. И плодородит талант до тех пор, пока он питается соками вскормившей его земли, думами, заботами, судьбами родных ему поколений людей.

Вот и ответ на первый вопрос: нас, писателей, созидает живое время, живая история, в которой мы участвуем. Поэтому художник, мне кажется, начинается с впечатлений детства и юности. Он начинается с неповторимого, обостренного восприятия окружающего мира, языка, песни, образов и характеров родного народа, что затем становится золотым запасом памяти до конца дней. Правильная мысль Александра Твардовского: можно приумножать эти «сбережения», накапливая позднейшие наблюдения изучением жизни в натуре и по книгам, но заменить эту

Чингиз АЙТМАТОВ

ОТВЕТИТЬ СЕБЕ

Художник и время

основу основ поэтического постижения мира невозможно ничем, как невозможно заменить в своей памяти родную мать другой, хотя бы и самой прекрасной, женщиной.

Эти впечатления нельзя классифицировать, ибо они сложны, как сама жизнь, и у каждого — свои, собственные, я бы сказал — интимные. Но сюда обязательно входят встреченные тобой люди и книги. А может быть, даже сначала книги. Я вспоминаю, каким ярким внутренним озарением явилась для меня когда-то встреча с книгами Мухтара Ауэзова.

Все, что меня окружало, с тех пор приобрело словно другой смысл. С упоением и удивлением я сделал открытие: оказывается, литература о жизни наших народов может звучать такой же отрадной, душевной, близкой всему земному человеку, как и произведения русских писателей. Мне кажется, на формирование современной среднеазиатской художественной мысли и всей духовной жизни наших соседствующих народов Ауэзов оказал такое же влияние, как в свое время Пушкин на развитие русской культуры.

Удивительной силой обладают книги большого художника. Ты открываешь их, а они — тебя...

ПИСАТЬ такие книги научиться нельзя, как невозможно человеку, лишенному слуха и воображения, сочинять музыку. На свете нет нехоженых троп. Все дело в том, какими глазами смотришь, что способен увидеть, открыть на той же дороге, по которой идут другие. Людьями, обладающими таким особым зрением, то есть художниками, писателями, все-таки сначала рождаются. Но потом становятся, потому что с годами приходит чувство большой ответственности за дело своей жизни, и тогда одной одаренности не хватает. А если не приходит это чувство, данный природой талант убывает неотвратимо, как шагрень на коже.

На моих глазах протекает судьба одного давнишнего члена Союза писателей. Первые его сочинения привлекли внимание, и, видимо, автор переоценил меру похвал. Каждую следующую книгу он стал сочинять быстрее и легче, а потом началось: что ни год — двухтомник, на который, может быть, надо положить целую жизнь. Теперь его длинные, тяжеловесные произведения в хороших обложках читают в основном двое: редактор и автор. И считается он писателем маститым, авторитетным, литературным «академиком». Такое искаженное представление о собственной значимости лишило его способности критически относиться к себе и доброжелательно — к своим коллегам. Новое, яркое произведение, особенно если оно принадлежит молодому перу, вызывает у него раздражение. А ничто так не иссушает талант, как зависть. Смотришь, и обидно за человека: книги его умирают при нем. Но он вроде бы не замечает этого...

Главная ответственность за воспитание своего таланта, за наибольшую его действенность лежит, что бы там ни говорили, на самом человеке. Это одинаково относится как к выбору призвания, так и к способу его реализации. Второе бывает подчас еще сложнее. Тем более в нашем писательском деле, где в отличие от многих других профессий существует обратная связь: чем дальше путь, тем он труднее.

Нет человека, который намеренно пишет плохую книгу, картину, музыку, т. е. сознательно становится ремесленником. Недуг этот протекает незаметно, как лучевая болезнь. Микроб самодовольства приводит к пыльному самообману, который истребляет талант.

Никто не может выдать художнику вечнодействующее лекарство. Единственный доктор — он сам. Однажды наступает минута, когда надо совершить самый трудный подвиг: отказаться от достиг-

нутого, перечеркнуть открытое. Точнее, подвести черту, за которой от арифметики перейти к алгебре, от алгебры — к высшей математике.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ мировоззрение, и только оно, определяет истинную гражданскую и человеческую ценность творчества советского писателя. Но говорить о преданности вере и уметь слушать ей — далеко не одно и то же. Можно продекларировать много прекрасных истин и клятв о долге перед временем и народом. Подлинно художественное произведение — это не клятва, а сама книга.

Личные контакты нам необходимы, без них невозможна консолидация, которая объединяет всех для решения больших идейно-художественных задач. В этом, я думаю, состоит главное значение минувшего недавно писательского съезда. Во время таких общений мы узнаем многое друг о друге, делимся своими мыслями, сомнениями, надеждами.

Но проходят праздничные дни, и наступают будни; они и покажут в итоге, насколько умеем мы осуществлять свои благородные намерения, насколько тот или иной из нас владеет словом, то есть средством донести великие идеи до человеческих сердец. Вот почему самые ответственные встречи между литераторами — это встречи книгами. Они завершают наши дискуссии, проигрывают бой или трубят победу. Ибо творческое соревнование есть состязание талантов, мастерства, а не имен, знаний и ораторских способностей! Мастерство — истоки творчества и его дельта.

С удовольствием и радостью вспоминаю я встречу со своей первой книжкой, хоть и много исколесил по пути к ней страшные дороги. Первый раз, наверное, всегда так: слова слетаются на письменный стол, как голуби на пшено. Теперь все переменилось. Из рыцаря бумаги я превратился в ее чернорабочего. Белый лист стал крепостью, которую уже не удастся брать кавалерийским наскоком.

Сажусь за новую книгу, а привычка, как нечистая сила, тянет руку к знакомым словам. Ох, как трудно вырваться из цепких объятий госпожи штампа! Привык было я вести повествование от первого лица. Мне казалось, что только это построение рождает исповедальную интонацию, дает возможность свободно передвигаться во времени и пространстве. Так мне писать легче, но чувствую: начинаю повторяться. А эпигонство — всегда эпигонство... (Однако в некоторых случаях это свойство — совсем другого происхождения, и я не хотел бы называть штампом манеру письма Бунина или Хемингуэя. Существует личная тема, собственный метод, который углубляется, разрабатывается в течение всей жизни.)

Штамп — явление не только техническое, это и аспект мировоззрения. Он часто идет от несамостоятельности мышления, от власти догмы, а приводит, как правило, к несамостоятельности художнической, что, к сожалению, не всегда угадывает критика. Приведу такой хотя бы пример. Один наш литератор написал под влиянием любимого образа некоего колхозного старика. А потом его хвалили: вот, мол, наш киргизский дед Чукарь. Но ведь именно это как раз и плохо, что писатель создал копию известного оригинала, пусть даже самого прекрасного...

Ленивый читатель даже любит найти в искусстве подтверждение тому, что ему хорошо знакомо, к чему он привык. Он даже сердится, если художник спорит с его представлениями, нарушает его душевный покой. И все-таки нарушать надо, и тот же читатель в итоге отплатит за это благодарностью.

БОРЬБА с привычными представлениями — одно из условий роста мастерства, важнейший закон преодоления сопротивления материала, который осваивается медленно, от книги к книге.

Взять хотя бы такой безобидный аспект, как изображение пейзажа. Мы часто описываем природу знакомыми образами, просто любимся ею. Но как бы прекрасно это ни было сделано, мы просто тиражируем красивые картинки, если описание не подчиняется главной мысли, не выражает неповторимое индивидуальное состояние. Вспомните знаменитое черное солнце у Шолохова. Вот — разрушение, родившее поэтическое открытие.

Один из самых древних штампов — застывшее представление о так называемом положительном герое. Он идет еще от сказки — наивной мечты наших предков о человеке, лишенном людских пороков. В Индии один коллега показывал мне графически вычерченную схему на бумажном листе длиной около двух метров. Эта таблица ведет свою историю, оказывается, с первого века нашей эры, с древнеиндийских веп. Там предусмотрительно все: положительный герой — обязательно благородного происхождения, он должен говорить, одеваться, сидеть, ходить только так, а не иначе. Это, конечно, пример традиции, доведенной до абсурда, я привел его, чтобы заострить мысль. Но и у нас — особенно в кино и театре — не преодолены еще схема, по которой мы «вычерчиваем» человеческие портреты, исходя не из жизненных, а литературных ассоциаций.

Социалистическая культура накопила за полвека много прекрасных образов, олицетворяющих нравственную вершину человека эпохи революции; их обаяние неотразимо, а воспитательное значение непреходяще. Но прошли десятилетия, равные по своей наполненности векам. По мере нравственного преобразования общества, роста культуры, благосостояния, появления могучих средств информации рождается потребность более сложного измерения духовного мира.

Но, конечно, не всякая углубленность ведет к подлин-

ной глубине. Современная западная литература, например, занята подчеркнутым исследованием человеческой психологии. Беда, однако, в том, что, стремясь во что бы то ни стало уйти от бытоподобия, многие писатели, в том числе и неплохие, уже создали свои стандарты. Они берут индивидуум, помещают его под микроскоп и пытаются ответить таким образом на все вопросы века, лишая человека духовного общения с природой, обрубая его географические и национальные корни, изолируя от социальной среды. Такой аполитичный и антинаучный подход к явлениям чужд советской литературе. У нас стоят проблемы другого порядка.

Рядом с бесспорными, или, как говорят, идеальными героями существовали и существуют люди, которые не смогли — по тем или иным причинам — так сильно проявить свои возможности, хотя потенциально могли бы. Литература призвана исследовать личность в разрезе общественной жизни, в комплексе всех социальных и экономических условий. Один человеческий тип — Овод, он совершил подвиг и зовет к подвигу своим примером. Но есть и другой — в литературе это, скажем, Мелехов или Мышкин, — в них тоже происходит кристаллизация добра, честности, бескомпромиссности. Назначение искусства — проявлять пристальный интерес, пробуждать внимание, желание постигать, уважать человека во всем его бесконечном многообразии.

Человечество прошло путь от сказки до Льва Толстого, но и за ним еще остались необозримые неосвоенные просторы. Их «площадь» растет, ибо идет вперед общество, строящее коммунизм.

...Нет и не может быть у советской литературы другого назначения, чем участвовать в созидании человека будущего, влиять на его нравственное совершенствование. Книжки, выполняющие такую миссию, и есть наш вклад в фундамент грядущего.

Довженко говорил: всю жизнь, делая фильмы, я создавал свой партийный билет.

Я — за такое понимание партийности: пусть о ней свидетельствует каждая написанная страничка, как вспаханная борозда, как воевавшая в сражении высота.